Русское Общество изученія еврейской жизни.

1/257

Вл. Короленко.

О МАРІАМПОЛЬСКОЙ „ИЗМѢНѢ".

Цѣна 12 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Д. П. Рузскаго. Вознесенскій пр., № 53.
1917.

1

7/257
Государств. публичная историческая библиотека СССР
1259341

О Маріампольской „измѣнѣ".

Дѣйствительность рѣдко бываетъ вполнѣ закончена и осмысленна. Поэтому художнику всегда приходится начинать съ выбора того, что должно войти въ разсказъ или картину. Изъ безконечнаго разнообразія безпорядочныхъ и переплетающихся явленій жизни его взглядъ научается выбирать лишь тѣ, по которымъ проходитъ тотъ или другой законъ красоты и правды.

Чаще всего такую готовую законченность даютъ картины природы. Среди сложныхъ явленій человѣческой жизни она встрѣчается уже гораздо рѣже. Жизнь болѣе безпорядочна, и смыслъ ея явленій рѣдко дается готовымъ.

Но порой и дѣйствительность складывается въ картины, которыя поражаютъ законченной полнотой и смысломъ. Въ исторіи бываютъ событія, художественное и моральное значеніе которыхъ ярко сверкаютъ изъ тьмы вѣковъ.

Такова, напримѣръ, исторія о Кочубеѣ, Петрѣ и Мазепѣ. Можно какими-угодно подробностями историческихъ изысканій усложнить основныя ея черты, но и въ самомъ сухомъ изложеніи смыслъ

этой трагедіи свѣтится ярко, не закрываемый туманами прошлаго.

Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье...

Чѣмъ бы ни осложнялся доносъ Кочубея,—одно несомнѣнно: онъ былъ вѣренъ, а Мазепа готовилъ измѣну. И царь въ послѣднія минуты передъ тѣмь, какъ она должна была выступить передъ цѣлымъ свѣтомъ, отдалъ человѣка, ему вѣрнаго, во власть измѣннику. „О, ночь мученій"... Были ли среди этихъ мученій самыми ужасными физическія пытки? Заглушали ли онѣ страшное сознаніе торжества измѣны надъ его вѣрностью?... И что разсвѣтъ того дня, когда все станетъ ясно, наступитъ для него слишкомъ поздно.

День этотъ пришелъ. Петръ поспѣшилъ оправдать память Кочубея, вознесъ его потомковъ. Но самъ Кочубей умеръ мучительно и позорно. Передъ лицомъ исторіи память Петра и до сихъ поръ ведетъ великую тяжбу. Много заслугъ передъ русскимъ отечествомъ и много жестокости по отношенію къ людямъ. Но среди этихъ безчисленныхъ истцовъ всего прямѣе могъ бы взглянуть въ лицо великаго отвѣтчика преданный Петру и Петромъ преданный миргородскій полковникъ. И на его искъ труднѣе всего было бы держать отвѣтъ великому императору...

. . . . . .

Эти мысли невольно приш[illegible] мнѣ въ голову при

чтеніи краткихъ отчетовъ о засѣданіи главнаго военнаго суда по дѣлу о такъ называемой „Маріампольской измѣнѣ“... Вы, конечно, помните начало этого дѣла, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ началѣ войны съ нашего западнаго фронта, какъ стаи черныхъ птицъ, неслись злые слухи объ измѣнѣ цѣлой еврейской народности. Легенды эти роились особенно густо около двухъ пунктовъ: Кужъ и Маріамполя. Кужъ былъ уже предметомъ многихъ толковъ въ Думѣ, и когда-нибудь, когда можно будетъ говорить свободно о многомъ, что теперь еще находится подъ запретомъ [1]), эта ничтожная деревушка встанетъ передъ многими совѣстями, какъ символъ злой клеветы и преступнаго предубѣжденія. О Маріамполѣ высказался уже судъ, и потому о немъ и теперь можно говорить свободно. И факты, и ихъ значеніе непререкаемо ясны.

Пруссаки заняли въ началѣ сентября 1914 года Маріамполь, Сувалкской губ. Всюду, гдѣ они занимаютъ враждебныя имъ территоріи, нѣмцы стараются избрать уполномоченныхъ отъ мѣстнаго населенія, черезъ которыхъ предъявляютъ ему затѣмъ всякія требованія. Это, впрочемъ, дѣлаютъ всѣ воюющіе, и это вытекаетъ изъ постановленій гаагской конвенціи. Такимъ же образомъ, по требованію германскихъ властей, жители Маріамполя, для сношеній съ пруссаками, выбрали бурго-

[1]) Этотъ очеркъ былъ написанъ и появился въ печати до революціи. *Прим. изд.*

мистра и его помощника. Въ качествѣ бургомистра былъ избранъ еврей Я. Гершановичъ, помощникомъ его—полякъ Бертлингъ. На этихъ своихъ выборныхъ „лучшихъ людей“ городъ возложилъ всѣ тяготы посредничества съ врагомъ и всю отвѣтственность. Черезъ двѣ недѣли нѣмцы вынуждены были оставить Маріамполь, городъ опять заняли русскіе, и тотчасъ къ русскимъ властямъ явился нѣкто Байрашевскій съ доносомъ.

Случайно вышло такъ, что на этотъ разъ доносчикомъ оказался мусульманскій имамъ Байрашевскій, но мусульманство его тутъ не причемъ. Онъ не татаринъ и не турокъ; онъ полякъ мусульманскаго исповѣданія, вѣроятно, потомокъ мусульманскихъ выходцевъ, давно осѣвшихъ въ Польшѣ, и отъ прошлаго сохранившій только вѣру. Въ остальномъ онъ слился съ поляками. Такимъ образомъ, мусульманство ничего не опредѣляетъ въ этомъ человѣкѣ. Это—полякъ, доносящій на своихъ соплеменниковъ такъ же легко, какъ и на евреевъ. Это просто ложный доносчикъ и шпіонъ.

Доносъ этого несчастнаго, теперь уже погибшаго негодяя, состоялъ въ томъ, что еврейское и польское населеніе Маріамполя вело себя измѣнически. Многіе изъ читателей, навѣрное, припомнятъ начало войны и полные злораднаго торжества толки антисемитской печати по этому поводу. Вотъ обвиненіе:

«Еврейское населеніе встрѣтило щедрымъ уго-

щеніемъ нѣмцевъ, указывало имъ для грабежа русскіе дома, устроило нѣсколько притоновъ, куда стекались еврейскіе солдаты, несшіе сюда винтовки.

«Еврейскіе студенты съ нѣмецкими повязками на рукахъ развѣшивали на улицахъ возмутительныя прокламаціи. Бартлингъ встрѣтилъ нѣмцевъ съ бѣлымъ флагомъ. Всѣми же дѣйствіями по оказанію услугъ нѣмецкимъ войскамъ руководилъ Гершановичъ, который силой отбиралъ у жителей скотъ, припасы и передавалъ нѣмцамъ. Дѣятельнымъ помощникомъ его былъ полякъ Бартлингъ».

Бартлингъ и Гершановичъ были преданы военному суду за измѣну. Судъ вызвалъ только двухъ свидѣтелей: Байрашевскаго и Пенчило. Пенчило ничего существеннаго не показалъ, Байрашевскій повторилъ свои показанія, еще сгустивъ краски. Приговоромъ суда полякъ Бартлингъ оправданъ, еврей Гершановичъ присужденъ на 8 лѣтъ въ каторжныя работы.

Приговоръ вступилъ въ законную силу. Почти два года «измѣнникъ»-еврей несъ каторжный режимъ въ псковской тюрьмѣ, а вмѣстѣ съ этимъ „измѣна“ всего еврейскаго населенія цѣлаго города стала фактомъ, закрѣпленнымъ судебнымъ приговоромъ. Обвиненъ одинъ Гершановичъ, но онъ — „лучшій человѣкъ“, выполнявшій волю всѣхъ евреевъ Маріамполя. Ето обвиненіе было вмѣстѣ обвиненіемъ города. Но если цѣлый городъ могъ измѣнить, то чѣмъ же отличаются дру-

гіе города съ тѣмъ же еврейскимъ населеніемъ? Массовыя явленія обладаютъ широтой и постоянствомъ. Съ Гершановича обвиненіе распространилось на весь городъ. Изъ Маріамполя оно, какъ зараза, разлилось на другіе города и мѣстечки, захватило все еврейское населеніе...

Какое вліяніе это дѣло имѣло на тотъ потокъ выселенцевъ, который потянулся съ мѣстъ, охваченныхъ войной и близкихъ къ ея фронту, въ болѣе далекій тылъ, — объ этомъ когда-нибудь скажетъ исторія. Но что оно имѣло ужасное вліяніе на состояніе выселяемыхъ и на отношеніе къ нимъ населенія и властей на новыхъ мѣстахъ,—это несомнѣнно уже и теперь. Я знаю, что маріампольскій приговоръ смутилъ очень многихъ, совсѣмъ не антисемитовъ. Находили „смягчающія обстоятельства“ въ вѣковыхъ притѣсненіяхъ и несправедливости, которыя переносили и переносятъ евреи, но фактъ оставался признаннымъ, и на сомнѣнія, которыя все-таки выражались по этому поводу, отвѣчали возражателямъ одни—съ злою радостью, другіе съ смущеніемъ и печалью:

— А Кужъ! А Маріамполь!

Этими географическими названіями были полны „монархическіе“ и „истинно-русскіе“ листки. И толпы несчастныхъ людей,—женщинъ, стариковъ, дѣтей (люди средняго возраста въ это время по большей части воевали на фронтѣ),—вынуждены были кидать родныя гнѣзда и при самыхъ ужасныхъ условіяхъ итти неизвѣстно куда. Сзади гро-

хотали пушки и дымились пожары, впереди, какъ туча, висѣло предупрежденіе: эти люди, эти толпы людей, конечно, несчастны. Но вѣдь они—измѣнники.

А бывшій бургомистръ Маріамполя Гершановичъ несъ „заслуженное наказаніе“ въ каторжной тюрьмѣ.

Но повторяю: жизнь бываетъ иногда великимъ художникомъ. Она готовила къ мрачной картинѣ послѣдній штрихъ,—тотъ „ударъ мастера“, какъ его называютъ французы, который внезапно точно живымъ лучемъ освѣщаетъ всю картину. Вотъ, что повѣствуютъ объ этомъ живые отчеты:

„Доносчикъ (и притомъ почти единственный свидѣтель обвиненія) *Ибрагимъ Байрашевскій самъ оказался германскимъ агентомъ* и уже въ декабрѣ 1914 г. былъ присужденъ къ каторгѣ. Въ мартѣ 1915 года онъ умеръ въ тюрьмѣ, принеся повинную“.

Съ этой послѣдней чертой смыслъ маріампольскаго дѣла выступалъ въ совершенно неожиданномъ и необыкновенно яркомъ освѣщеніи. Маріампольскій Мазепа измѣнилъ. Но тогда– виновны ли тѣ, кого онъ успѣлъ погубить, какъ преступниковъ? И вотъ, въ органѣ военнаго вѣдомства „Русскомъ Инвалидѣ“ (къ сожалѣнію, тоже не всегда безупречномъ въ отношеніи антисемитскихъ предубѣжденій) появилась статья генерала Бернацкаго. Авторъ болѣе широко и по свѣжимъ слѣдамъ изслѣдовалъ вопросъ о Маріамполѣ и

пруссакахъ, чѣмъ это сдѣлалъ военный судъ, и честно засвидѣтельствовалъ въ печати, что никакой измѣны въ Маріамполѣ не было; не было ни „радостныхъ встрѣчъ врага", ни „студентовъ-евреевъ съ нѣмецкими повязками", ни всего, что выдумано нѣмецкимъ шпіономъ Байрашевскимъ, а было совсѣмъ обратное: и поляки, и еврейское населеніе оставались вѣрными Россіи, и многіе факты явились яркими иллюстраціями этой лойяльности.

Между прочимъ, вотъ разсказъ жандармскаго унтеръ-офицера Гордѣя, опрошеннаго ген. Бернацкимъ:

По распоряженію начальства, когда нѣмцы вступали въ городъ, Гордѣй остался, чтобы слѣдить за непріятелемъ и поведеніемъ населенія. Онъ такъ увлекся своими наблюденіями, что не успѣлъ снять мундиръ, и опомнился уже отъ топота лошадей нѣмецкихъ кавалеристовъ, несшихся на него. Тогда онъ вбѣжалъ въ первый попавшійся домъ еврея Фрейдберга и первый попавшійся еврей, рискуя собственной жизнью, постарался укрыть его на чердакѣ, потомъ переодѣлъ, и черезъ нѣсколько минутъ, пока пруссаки шарили по сосѣдству, изъ дома Фрейдберга вышелъ маляръ съ ведромъ въ одной рукѣ и кистями въ другой. Мурлыча пѣсню, онъ прошелъ мимо нѣмецкихъ кавалеристовъ. Унтеръ-офицеръ Гордѣй былъ спасенъ.

„Войдите въ домъ еврея, и вы навѣрное най-

дете измѣнника",—говорила картина, нарисованная Байрашевскимъ. Къ сожалѣнію, это же слѣдовало изъ приговора суда. Гордѣй входитъ—и вмѣсто измѣнника встрѣчаетъ самоотверженнаго спасителя. Этого мало: Гордѣй, котораго, конечно, знало населеніе Маріамполя, остается въ городѣ все время нашествія пруссаковъ, и никто его не выдалъ ни изъ боязни, ни изъ корысти. Въ городѣ, все населеніе котораго рисовалось сплошь предательскимъ, фактически предателя не нашлось ни одного.

Какъ жаль, что военный судъ, слишкомъ ослѣпленный довѣріемъ къ Байрашевскому, не потрудился обратиться къ этому офиціальному наблюдателю. Тогда онъ не впалъ бы роковую ошибку, не осудилъ бы тысячъ невинныхъ на основаніи словъ настоящаго предателя... Судъ узналъ бы отъ этого солдата (былъ и еще гусаръ, тоже скрывшійся въ городѣ, и тоже никѣмъ не выданный), какъ въ Маріамполь вступили пруссаки, какъ рыжій нѣмецкій комендантъ съ угрозами повѣсить заложниковъ требовалъ выбрать бургомистра и помощника, какъ старый Гершановичъ при выборѣ говорилъ избирателямъ: „вы отдаете меня въ жертву", какъ нѣмцы подъ угрозой смерти требовали у Гершановича доставки лошадей, отъ чего тотъ упорно отказывался и въ концѣ-концовъ такъ лошадей и не доставилъ.

Нѣтъ надобности въ мелодраматическихъ преувеличеніяхъ. Исторія говоритъ, что у Кочубея

были не одни высокопатріотическія побужденія, когда онъ предупреждалъ Петра. Навѣрное, и старый Гершановичъ не горѣлъ все время чувствами одной возвышенной преданности долгу, которая такъ эффектна въ мелодрамахъ. Онъ былъ просто старый честный еврей, уважаемый согражданами и почти поневолѣ принявшій въ трудное время такую обязанность передъ роднымъ городомъ и передъ родной страной. И если бы судъ имѣлъ время спросить еще хоть одного этого свидѣтеля, русскаго унтеръ-офицера Гордѣя, то вся Россія узнала бы изъ процесса, что бѣдный старый еврей съ честью выполнилъ эту обязанность, что при этомъ онъ правдиво выражалъ настроеніе и волю согражданъ, и что онъ лично и населеніе Маріамполя заслуживали лучшей награды, чѣмъ каторжная тюрьма и позоръ тягчайшаго изъ обвиненій, повисшаго надъ цѣлымъ племенемъ.

Но Гордѣя никто не спрашивалъ. Поляки, впрочемъ, были оправданы. Къ тому времени предубѣжденіе противъ нихъ уже не ослѣпляло суда. Для осужденія евреевъ, къ величайшему сожалѣнію, оказалось достаточнымъ показаніе и одного свидѣтеля.

И этотъ свидѣтель былъ самъ нѣмецкій шпіонъ и предатель...

Конецъ совсѣмъ недавно широко оглашенъ газетами всей Россіи. Присяжному повѣренному Грузенбергу, на основаніи статьи ген. Бернацкаго,

удалось розыскать Гордѣя, и 28-го іюля въ Главномъ Военномъ судѣ дѣло о маріампольской измѣнѣ постановлено возобновить. Это, конечно, была уже только формальность: Гершановича сразу освободили изъ псковской каторжной тюрьмы, а вскорѣ произошелъ новый судъ. Гершановичъ былъ, конечно, оправданъ и могъ вздохнуть свободно послѣ двухлѣтней каторги...

Что осталось у него послѣ этихъ двухъ лѣтъ? Сколько страданій вынесли онъ и его семья за это тяжелое время,—даже эти вопросы теряютъ свое значеніе при постановкѣ другихъ, невольно тѣснившихся въ встревоженную совѣсть: какія тысячи трагедій, сколько погибшихъ человѣческихъ жизней,—женщинъ, стариковъ и дѣтей,—въ этихъ толпахъ выселенцевъ и бѣженцевъ, гонимыхъ, какъ осенніе листья предубѣжденіемъ и клеветой съ родныхъ мѣстъ навстрѣчу новымъ предубѣжденіямъ и новымъ клеветамъ на чужбинѣ, сколько ихъ обязано своей гибелью этому предубѣжденію и этой клеветѣ, которыя сосредоточены въ двухъ словахъ:

— А Кужъ? А Маріамполь?

Оскара Осиповича Грузенберга, не въ первый и, конечно, не въ послѣдній разъ выступающаго въ борьбѣ противъ неправды и клеветы, которыми осыпаютъ его родной народъ, можно поздравить съ этимъ „блестящимъ дѣломъ“. На первый взглядъ оно представляется не только блестящимъ, но и какъ будто нетруднымъ, когда

все уже собрано въ одну картину, когда эта картина открыта и гласно поставлена передъ судомъ, хотя бы и военнымъ,—можно ли сомнѣваться въ исходѣ? Передъ яркимъ лучомъ, прорвавшимся сквозь удушливые туманы предубѣжденій, клеветы, ложнаго доноса и легковѣрія,—защитнику какъ будто не стоитъ уже много труда убѣдить судей. Рѣчь О. О. Грузенберга уже не только юридическая защита даннаго подсудимаго передъ даннымъ составомъ суда, но и пламенная апелляція еврейства противъ общей неправды и закоренѣлаго предубѣжденія. Прокуроръ уже не обвиняетъ; наоборотъ, онъ присоединяется къ доводамъ защиты. Судьямъ не приходится долго совѣщаться. Торжество полное, и весь этотъ заключительный эпизодъ тяжелой драмы кажется простымъ подаркомъ судьбы, своего рода черной жемчужиной въ мартирологѣ современнаго еврейства, которую судьба подноситъ, позаботившись даже о самой эфектной оправѣ.

Да, но если принять во вниманіе, что значитъ въ такихъ случаяхъ безжалостная форма кассаціоннаго порядка, какъ рѣдки и трудны случаи пересмотра рѣшенныхъ дѣлъ, какъ часто истина, житейски очевидная, не можетъ пробиться черезъ требованія этой формы,—только тогда можно оцѣнить всю трудность пути, которымъ удалось вынести эту жемчужину изъ глубины каторжной тюрьмы на свѣтъ дня и солнца.

Большая удача,—это правда. Такого рода юри-

дическій и бытовой самородокъ, сверкающій разносторонней и яркой моралью. Но нельзя забывать, что и самородки даются лишь рудокопамъ, которые долго и упорно роются въ шахтахъ.

Теперь, благодаря скорбному и выразительному дѣлу о маріампольской измѣнѣ, есть возможность обратить противъ злой клеветы ея собственное оружіе... На новыя измышленія въ томъ же родѣ можно отвѣтить тѣми же многозначительными географическими названіями:

— А Кужъ! а Маріамполь!...

Маг. 28
8 р.
№ 435

Русское Общество изученія еврейской жизни.

Петроградъ, Фурштадская, 9, кв. 37.

Комитетъ.

Предсѣдатель—(†) гр. **И. И. Толстой.**
Товарищи предсѣдателя—**А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), А. В. Карташовъ.**
Секретарь—проф. **М. В. Бернацкій.**
Казначей—**А. М. Калмыкова.**
Члены—**Н. И. Коробка,** акад. **Д. Н. Овсянико-Куликовскій,** (†) **В. И. Семевскій** и **Н. В. Чайковскій.**

Извлеченіе изъ устава Общества:

§ 1. Русское Общество для изученія еврейской жизни имѣетъ цѣлью: изученіе еврейской жизни въ ея прошломъ и настоящемъ. Для этого Общество занимается изученіемъ и изслѣдованіемъ еврейской исторіи, письменности, литературы, искусства, фольклора, быта, экономическаго и правового положенія.

§ 2. Для достиженія своей цѣли Общество: а) устраиваетъ собранія своихъ членовъ для сообщенія и докладовъ, б) устраиваетъ съ надлежащаго разрѣшенія публичныя чтенія и выставки по вопросамъ, входящимъ въ кругъ его изученія, а равно концерты, в) печатаетъ, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ для сего законовъ, книги, сборники и періодическія изданія, г) предлагаетъ темы для сочиненій и за выполненіе ихъ выдаетъ денежныя преміи и награды.

§ 5. Членами Общества могутъ быть лица обоего пола, достигшія совершеннолѣтія, сочувствующія и выразившія готовность содѣйствовать цѣлямъ Общества.